今日の日本

ЯПОНИЯ

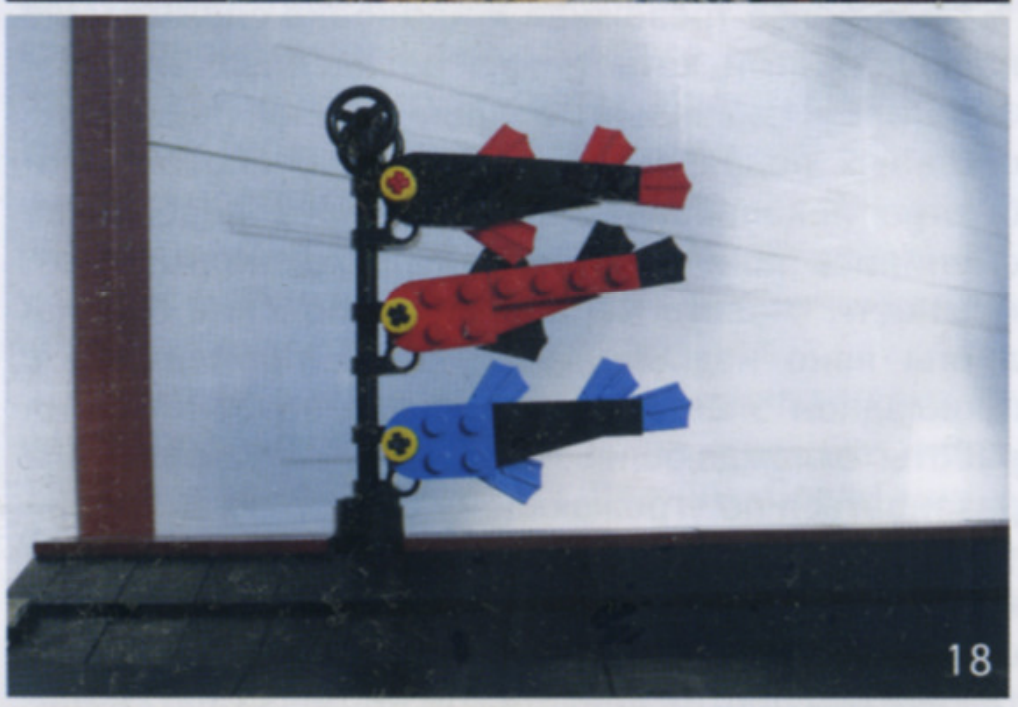
сегодня

май 2011

См. стр. 5–9

2

5


18

26

5 • 2011

Афтершоки 2

Точка на карте

Город в северном триречье 5

Трагедия Минамата:
издержки экономического чуда 10

Портрет в рамке истории

Императрица Дзито
строит новую столицу 12

Рынок труда
в ожидании перемен 14

Праздник месяца

Упоение кровавой местью 15

Перелистывая календарь

Дети: радости и проблемы 18

Самое-самое

Минамиторисима 20

Небесное дерево бьет рекорды 22

Из Киото в Эдо

Ивамурата, Одаи и Оивакэ 24

100 японских слов

Нэцкэ 26

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЯПОНИЯ СЕГОДНЯ» • Рег. № 012252 от 17.12.1993 г. • ИЗДАТЕЛЬ: Закрытое акционерное общество «Япония сегодня» • ШЕФ-РЕДАКТОР: В. Перфильев • ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: А. Лазарев • РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ: А. Дроздов, А. Лазарев, В. Перфильев, С. Харламов • МАКЕТ: В. Хомяков • ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА: Н. Сайгина, Т. Суркова • КОМПЬЮТЕРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: В. Гущин • РАСПРОСТРАНЕНИЕ: Е. Румянцева • АДРЕС РЕДАКЦИИ: 115419 Москва, ул.Орджоникидзе, д. 8/9, оф. 505. • Тел.: (495) 954-3921, Факс: (495) 958-1997 • E-mail: japan@jtm.ru Http://www.japantoday.ru • Журнал сверстан в компьютерном центре «Япония сегодня» •

© ЗАО «ЯПОНИЯ СЕГОДНЯ»

• Отпечатано в типографии ЗАО «Фабрика офсетной печати» • Заказ № 18145

АФТЕРШОКИ

В предыдущем номере нашего журнала мы рассказали о страшной катастрофе, обрушившейся на берега Японии. Мощное землетрясение магнитудой около 9, длившееся 6 минут, спровоцировало многочисленные оползни и обвалы, а также зарождение уничтожающих волн цунами. Те, в свою очередь, нарушив систему электропередачи в северной части острова Хонсю, привели к тяжелейшей техногенной аварии на атомной электростанции. Последствия всего произошедшего будут ощущаться в стране еще многие годы.

Сейсмологи утверждают, что в случае сильного землетрясения бедствие не ограничивается одиночными ударами подземной стихии. За первым землетрясением приходит второе, третье... десятое. Это — афтершоки, эхо-удары. Иногда подобные бедствия длятся месяцами. Беда в том, что даже сравнительно умеренные афтершоки могут стать не менее разрушительными. Ведь они еще раз испытывают на прочность фундаменты и стены домов, еще не успевших оправиться от первого удара. Новые сейсмические волны раскачивают японскую землю с магнитудой 6–7. А это значит, что в любой момент выстоявшие было здания, мосты, дороги могут не выдержать нового напряжения. К тому же афтершоки способны породить новые цунами. Это приходится учитывать при разборе образовавшихся завалов, при определении пригодности и безопасности жилья, дорог, промышленных сооружений. Во всяком случае считать, что все уже закончилось, пока рано.

Еще более тревожная обстановка сложилась с последствиями катастрофы на ядерных электростанциях. Изначально бодрые отчеты правительственных подразделений Японии о способности быстро локализовать аварию через неделю-две сменились паническими предупреждениями о возможности «нового Чернобыля». Японские специалисты явно недооценили угрозы, промедлили с прокладкой электропроводов для возобновления работы охлаждающих насосов. А ситуация стала развиваться по угрожающему сценарию. В результате неумелого тушения пожара топливные стержни в трех реакторах АЭС были повреждены. Повышение радиации в воздухе, земле и морской воде в тысячи раз против допустимой нормы стало свидетельством того, что была разрушена защитная оболочка как минимум на одном реакторе. Воздушные потоки разнесли радиацию по всей Земле. Ее обнаружили в Европе, Америке, в Китае, на ближних подступах к России. Правительство Японии вынуждено было объявить в стране максимальный уровень опасности радиационного заражения.

Проведя серию обследований, правительство Японии призвало потребителей воздержаться от употребления в пищу овощей, выращенных в префектуре Фукусима, и рыб, выловленных в прилегающей акватории. США первыми заблокировали импорт продовольствия из Японии. Это стало еще одним афтершоком, накрывшим в данном случае значительные секторы японского сельского хозяйства и рыболовства.

Практически парализованным оказался транспорт в северной части острова Хонсю. Землетрясе-

ние и цунами разрушило автострады и железные дороги. Был затоплен аэропорт города Сэндай. Взрывы на ряде АЗС и нефтеперерабатывающих заводах привели к острому дефициту топлива. Автомобильный транспорт практически встал. Экстренные усилия по ремонту дорог и эстакад позволили наладить хотя бы минимальные подвоз воды и продуктов питания, что лишь немного ослабило и отдалило надвигавшуюся гуманитарную катастрофу.

Вот несколько цифр: человеческие жертвы исчисляются уже десятками тысяч. Число погибших и пропавших без вести вплотную приблизилось к 30 тысячам человек. Пострадало около 1 млн. зданий, из них 14,6 тыс. полностью разрушено. Без крова остались 362 тыс. местных жителей, они ютятся у родственников и знакомых, в госпиталях и школах, в палатках Красного Креста. Примерно в 4,4 млн. домов в северо-восточной Японии была прекращена подача электричества, в 1,5 млн. — питьевой воды. В море унесло 247 судов различного класса. Иные из них затонули, другие покореженными были выброшены на берег, например, 45-метровая «Тёкай-мару» оказалась на крыше одного из домов в Сэндае. С карты Японии были фактически стерты города Оцути, Исиномаки, Натори, Ямада, Тагадзё, Сиогама, Рикудзэнтакада, Иваки. Серьезно пострадал административный центр префектуры Мияги — город Сэндай с населением более 1 млн. человек. Под ударом сокрушительных волн оказалось все Тихоокеанское побережье префектур Иватэ, Мияги, Фукусима, Ибараки, Тиба. Количество обломков, оставшихся после землетрясения и цунами, только в префектуре Мияги исчисляется в 18 млн. т. На уборку может уйти несколько лет. А ведь под обломками, очевидно, погребены сотни человеческих тел.

В результате сейсмического взрыва невиданной силы активизировались, по меньшей мере, 13 вулканов на территории Японии. Среди них и Фудзияма. Афтершок магнитудой 6,4 произошел очень близко к району аккумуляции лавы этого высочайшего в стране вулкана. Специалисты допускают, что лава могла возбудиться и породить новые очаги землетрясений вокруг Фудзиямы.

Помимо последствий стихийной катастрофы Японию ныне трясут финансовые, экономические, политические бури. По предварительным и, конечно же, далеко не полным подсчетам, на восстановление инфраструктуры, жилой недвижимости, офисов и производственных цехов уйдет не менее 16–25 трлн. иен (примерно 200–300 млрд. долларов). Это примерно 3,5–5,5% ВВП Японии. Экономисты предсказывают, что японцы в ближайшем будущем начнут изымать свои активы из зарубежной собственности. Следовательно, на мировом финансовом рынке появится переизбыток долларов и евро, а иены будут в дефиците. Курс иены ощутимо поднимется по сравнению с другими валютами. А это нанесет болезненный удар по японским экспортерам. К этому афтершоку уже надо готовиться.

Из-за нехватки электроэнергии в Японии приостановилось производство полупроводниковых деталей. А значит, вскоре подорожают элементы оперативной памяти DRAM, флеш-памяти, платы современных электронных устройств. Это уже затронет всю электронную отрасль мира. Если сорвутся поставки японских полуфабрикатов и запасных деталей, остановятся многие заводы, собирающие продукцию под японскими логотипами за рубежом, например автосборочные. Чтобы нейтрализовать это эхо катастрофы 11 марта, понадобятся поистине грандиозные усилия.

Оказавшееся в критическом положении правительство призвало находящихся в оппозиции либерал-демократов совместными усилиями сформировать «кабинет спасения». Но консерваторы от такого сотрудничества с Демократической партией отказались. Принимать на себя ответственность за кризис им не хотелось, да и лишаться козырей в предстоящих выборных кампаниях Либерал-демократической партии Японии тоже не с руки.

Теперь об энергетике. Доля мирного атома в энергобалансе Японии достигает 30%, уступая по объемам генерации только США и Франции. Вскоре АЭС «Фукусима-1» будет закрыта, а Токийская электротехническая компания (ТЕРСО), в чьем ведении находилась аварийная атомная электростанция, будет национализирована. Ведь самой ТЕРСО не по силам справиться с восстановительными работами и возмещением ущерба. Над растерзанными реакторами предполагается возвести бетонные саркофаги. Но это потом. Сейчас же изыскивают возможность закрыть коптящие раз-

валины электростанции полиэтиленовыми шатрами, чтобы остановить выброс радионуклидов в атмосферу. Этим, очевидно, дело не ограничится. Работа всех АЭС на северо-восточном побережье острова Хонсю будет приостановлена, чтобы провести тщательное обследование их состояния. Такие проверки неминуемо затронут и остальные пять десятков атомных реакторов страны. Японские власти уже дали понять, что предстоит пересмотр возможности строительства до 2030 года 14 новых атомных реакторов. Рисковать если не экологией, то своей репутацией правящие круги страны в сложившейся ситуации не рискуют. Общественность страны заставит энергетиков провести тщательную ревизию всей атомной отрасли, ее возможностей, перспектив и потенциальных угроз. Дело это небыстрое. Поэтому выработка электроэнергии на АЭС явно снизится. Нетрудно предсказать возникновение в обозримом будущем острейшего дефицита энергии даже при самом оптимальном сценарии. Уже сейчас не только промышленность Японии, но и гражданский сектор работают в режиме жесточайшей экономии. Отключены уличное освещение, световая реклама, не работают лифты, отменены многие рейсы поездов и городских электричек. Идут веерные отключения электричества. Приближается лето, а с ним и тропическая жара, однако пользоваться кондиционерами воздуха будет нельзя. Дефицит энергии сказался даже на процедуре захоронения жертв бедствия. Пришлось отказаться от традиционного для японцев кремирования тел и закапывать трупы в землю, в братских могилах. Позже, когда острота ситуации спадет, предполагается провести эксгумацию погибших и похоронить их по буддийскому обряду.

«Атомная аллергия» (т.е. неприятие всего, что связано с расщеплением атома), которая отмечалась у жителей Японии после ядерных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в 1945 году, вновь обострилась. Примечательно, что на этот раз она распространилась и на другие страны. В Европе, где использование атомных реакторов достаточно распространено, резко усилились позиции противников атомной энергетики. В результате произошли даже красноречивые подвижки на политическом фоне. Так, в ФРГ консерваторы (ХДС–ХСС) не смогли удержать власть в ряде земель и в ходе состоявшихся выборов уступили места в местных законодательных собраниях коалиции «зеленых» и социал-демократов. Это еще один афтершок японской катастрофы.

Можно привести упоминание еще об одном эхо-эффекте, на сей раз — психологическом. Среди беженцев из пораженных сейсмическими ударами, цунами и радиацией районов Японии насчитывается около 100 тысяч детей. Всем им пришлось пережить тяжелейшие психологические шоки, связанные с гибелью у них на глазах ближайших родственников и знакомых, с разрушением их жилищ. Такое трудно забыть и пережить. Конечно же, детей разместят на новых местах, предоставят им возможность посещать школы и детские сады. Но как их примут сверстники? Не станут ли беженцы из зараженной радиацией зоны изгоями на новом месте? Ведь такое уже не раз случалось в японской истории — в 1945 году, после атомных бомбардировок, в конце 50-х годов, когда детей пришлось вывозить из зоны химического заражение в Минамате. В любом случае мартовская трагедия 2011 года еще аукнется своими афтершоками.

В заключение можно упомянуть, что Россия проявила готовность помочь попавшему в тяжелое бедствие соседу — принять на отдых и реабилитацию японских детей, предоставить убежище оставшимся без крова людям. Помощь не ограничится сугубо гуманитарными мерами. В 2011 году будут вдвое увеличены поставки российской нефти в Японию. Для японского бизнеса открывается возможность участия в нескольких совместных нефтегазовых проектах на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, в частности, в строительстве нефтехимического комплекса в Приморском крае. Россия предложила японским партнерам войти в долю двух сибирских газовых месторождений (Чаянда и Ковыкта), общие запасы которых достигают 3,2 триллиона кубометров.

С. Мишин

ГОРОД В СЕВЕРНОМ ТРИРЕЧЬЕ

Во многих современных путеводителях указывается, что Мориока, административный центр префектуры Иватэ, является классическим призамковым городом северной Японии. Возможно, это так и есть. Только с одной поправкой. Никакого замка в Мориоке сейчас нет. Он был разрушен еще в 1874 году.

Город Мориока вырос в узкой долине, окруженной горами, на месте встречи трех рек — Накацугава, Сидзукуисигава и Китакамигава, которая и уносит слившиеся воедино воды далеко на юг до впадения в Тихий океан. Во многом это обстоятельство определило будущий облик одного из крупных индустриальных центров на севере острова Хонсю. Речной транспорт, обеспечивавший доставку товаров из Эдо, Осаки и Киото и отправку продовольствия на юг, требовал своей инфраструктуры — причалов, складов на берегу рек, мастерских по ремонту шхун и барж. Со временем производственные цеха переместились на новые участки, бараки и склады уступили место городским кварталам. И теперь плавные обводы набережных добавляют немало очарования городской архитектуре.

Мориока в будущем году отметит 415 лет своего существования. Город на этом месте был заложен в 1597 году князем Нобунао, 26-м главой феодального клана Намбу. Нельзя сказать, что место будущего города было выбрано на пустынном месте. Ранее в этих местах обитали племена *эмиси*, родственные *айнам*. *Эмиси* занимались охотой, рыболовством, а также частично земледелием. В ходе расширения границ Японской империи из Киото (тогда это был Хэйан) на север Хонсю была отправлена военная экспедиция под командованием генерала Саканоуэ-но Тамурамаро. Он потеснил аборигенов еще дальше на север, а на освободившихся землях в 803 году построил свой замок Сива. Теперь это фактически южный пригород Мориоки.

К концу периода Хэйан (794–1185) эти земли перешли под власть могущественного феодального рода Осю-Фудзивара, который избрал своей штабквартирой городок Хираидзуми, что в 80 км южнее нынешней Мориоки. Но плодородные земли на севере Хонсю были слишком лакомым куском для конкурентов. Пришедший к власти военный правитель (*сёгун*) Минамото-но Ёритомо разгромил армию Осю-Фудзивара. А освободившийся феод был передан любимцу *сёгуна*, его верному помощнику — князю Кудо. В дальнейшем по соседству обосновался еще один сильный клан — Намбу. Правители Намбу постепенно расширяли свои владения. Тогда-то на вершине гранитной скалы, высящейся над местом слияния рек Китакамигава и Накацугава, был заложен замок Кодзуката. Его строитель-

ство продолжалось 36 лет. В XVII веке замок переименовали в Мориока («Насыпной холм») по названию городка, сложившегося у подножья стен цитадели.

Надо сказать, что замок Мориока был не только хорошо укрепленной крепостью, но и входил в список 100 красивейших замков страны. Его стены были сложены из белого гранита, добывавшегося в этих местах. Этим замок разительно отличался в лучшую сторону от прочих военных укреплений, существовавших в регионе Тохоку (северная часть острова Хонсю), которые, как правило, имели глинобитные или деревянные стены. Реки, охватывающие цитадель с двух сторон, служили как бы естественными рвами, наполненными водой. Крепость была окружена тройным кольцом стен. Единственным отступлением от канонов японского зодчества применительно к замкам было отсутствие главной башни (*донжона*). Князья Намбу демонстративно отказались от возведения этого оплота, как бы свидетельствуя тем самым свою лояльность по отношению к центральным властям.

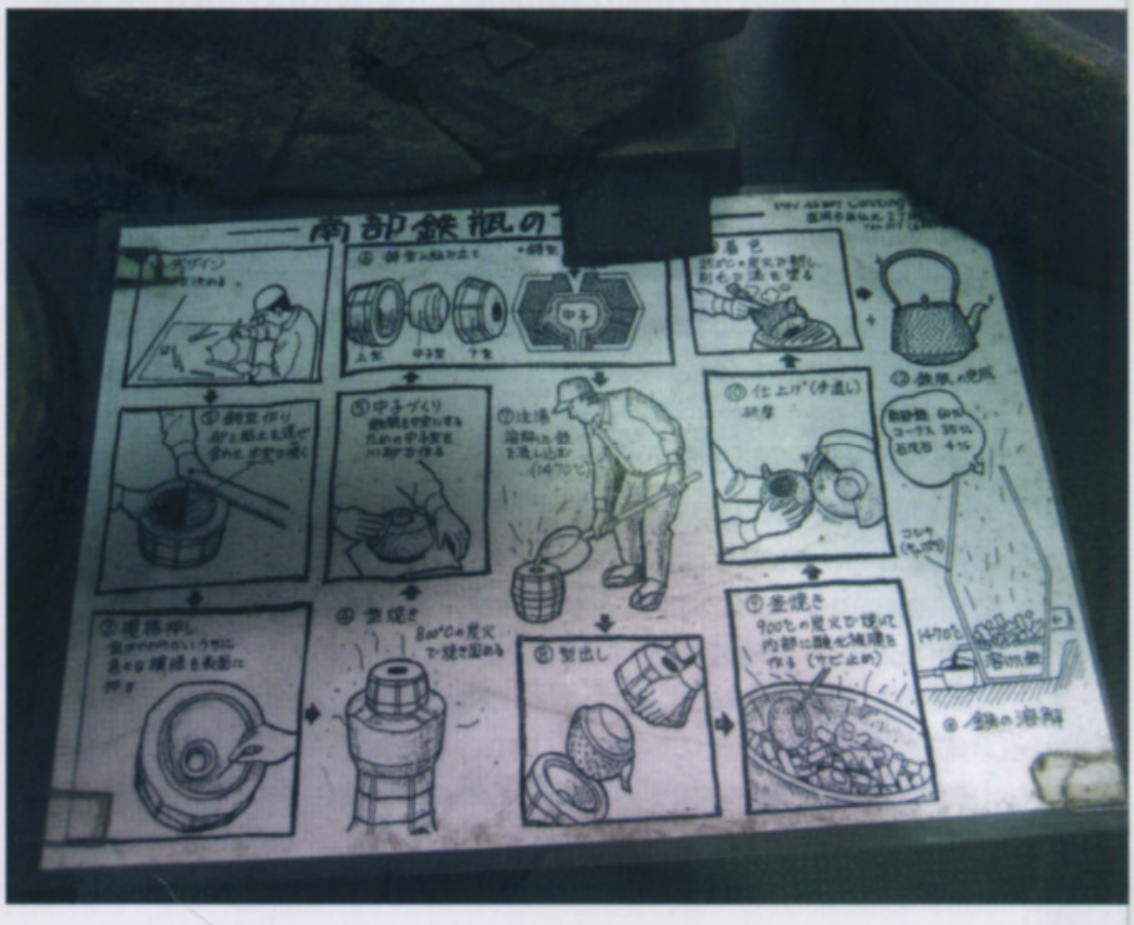
Цитадель клана Намбу возвышалась над охватывающими ее со всех сторон кварталами, где селились самураи и купцы, а также посадами ремесленников с оружейными, ткацкими и прочими мастерскими, в общем — типичный призамковый город. В этом качестве Мориока и развивалась вплоть до Реставрации Мэйдзи (1868), которую многие ученые считают японским вариантом буржуазной революции. Переход верховной власти от *сёгуна* к императору сопровождался силовым противоборством двух сторон, в которое были вовлечены не только национальные вооруженные силы, но и иностранные державы. Клан Намбу встал на сторону *сёгуната*. После победы императорской армии над самурайскими отрядами *сёгуна* семье Намба было в решительном тоне рекомендовано оставить насиженные места и переехать в замок Сираиси, в Сэндае. А прекрасный замок Мориока в 1874 году был разобран, дабы не соблазнять своими неприступными стенами мечтающих о реванше самураев. От замка остался лишь фундамент, окруженный искусственными рвами. На этом месте был разбит парк, ставший украшением города.

Особенно хорош Парк Иватэ (таково его название) весной, с конца апреля по начало мая. Здесь в это время пышным цветом расцветают две сотни вишневых деревьев, заманивая своей красотой местных жителей для прогулок и проведения различных пикников. В парке высажены деревья двух наиболее почитаемых в стране сортов сакуры — Сомэй-Ёсино и Эдо-Хиган. Их нежно-розовые лепестки буквально светятся, пронизываемые лучами солнца, а по вечерам — светом традиционных бумажных светильников.

Сейчас в Морioке живет около 300 тысяч жителей. В городе развиты металлургия, машиностроение, текстильная, пищевая промышленность, деревообработка, работают горнопромышленные предприятия. Но городское население предпочитает позиционировать свой город как природно-культурный заповедник. На разъяснение этого нацелен и основной туристический маршрут по городу.

После посещения Парка Иватэ экскурсовод обязательно поведет гостей к местной достопримечательности — сакуре-камнеломке. Это чудо можно увидеть в квартале к северу от парка. Каким-то образом деревцо сакуры укоренилось в узкой расщелине гранитного монолита, установленного прямо на улице. Дереву, как утверждают, уже три сотни лет. Но каждую весну оно расцвета-

KAN


南部鉄瓶の

ет, символизируя победу жизни над мертвым камнем. Хотя, вероятнее всего, это не столько символ всепобеждающей природы, сколько результат работы поколений местных садоводов, специалистов искусства бонсай, умудрившихся вырастить дерево в столь неподходящей среде.

О том, что экология города особенно не пострадала за годы индустриализации, ежегодно свидетельствует бурный подъем вверх по течению косяков лососевых, приходящих осенью в эти реки на нерест. Этот «рыбоход» можно наблюдать со старинного моста *Ками-но-хаси*, перекинутого через реку Накацугава еще в 1609 году. Мост стоит на 10 бронзовых сваях, благополучно удерживающих эту конструкцию вот уже 400 лет. Мост, точно так же как и сакура-камнеломка, имеет статус Национального сокровища.

По восточному берегу реки Накацугава тянутся старинные постройки — купеческие дома и особняки, сохранившиеся с XIX века. Приезжим непременно следует побывать на Храмовой улице, отрезке шоссе №455, пересекающего город с юга на север. Здесь воздух пропитан запахами благовоний, волнами истекающих из-за ограды древнего буддийского храма Хоондзи. У храма — две даты рождения. Первоначально он был сооружен в 1394 году 13-м главой клана Намбу в городе Саннохэ, став главным святилищем семьи. Когда клан перебрался на север, 27-й его глава повелел перенести старинный храм в Мориоку. Наибольший интерес у паломников вызывает Зал раканов (буддийских святых). В 1731 году восемь скульпторов, приглашенных из Киото, вырезали из дерева 500 статуэток раканов. Они были установлены в пять рядов. Каждая из скульптур отличается позой, пластикой, выражением лица. Как утверждают экскурсоводы, любой желающий может при желании отыскать среди скульптур своего двойника. Интересно, что среди пятисот фигурок есть изображения монгольского хана Хубилая, пытавшегося в конце XIII века захватить Японию, и всемирно известного путешественника Марко Поло. Сейчас монастырь Хоондзи отдан под тренировки медитирующих дзэнских монахов.

Еще одним центром притяжения на Храмовой улице является монастырь Мицуиси (буквально: Три скалы). На его территории высятся три каменных монолита, опутанные цепями. Если верить местной легенде, однажды в этих местах развлекался дьявол, пугая и мучая крестьян. Тогда жители окрестных сел пришли за защитой в храм. Монахи справились с дьяволом, приковав его к трем каменным скалам. Дьявола отпустили лишь после того, как он поклялся больше не тревожить местных жителей, в подтверждение чего оставил на одной из скал отпечаток своей левой ладони, хорошо различимый и по сей день. Кстати, отсюда выводят и смысл названия всей префектуры Иватэ, которое пишут двумя иероглифами, означающими «рука на скале».

Но главным храмом в Мориоке считается Хатимангу (он посвящен богу войны Хатиману).

Храм был основан еще в X веке известным воином и полководцем Минамото-но Ёриёси.

С обликом старой Японии можно познакомиться, побывав в квартале Годзаку, где сконцентрированы крохотные литейные мастерские. Префектура Иватэ богата месторождениями железных руд. Поэтому в течение многих веков в этих местах работали десятки ремесленников, специализирующихся на производстве различного железного литья — горшков, сковород, ножей. Отсюда в военные арсеналы Японии поступали ружья, пушки, пули и снаряды. В годы Русско-японской войны 1904–1905 годов из-за нехватки сырья в оружие были переплавлены даже колокола местных храмов.

Сейчас военные заказы на чугунное литье не поступают. Все местные ремесленники сосредоточились на производстве характерной железной посуды и прежде всего чайников. У них есть своя особенность. Эти литые чайники имеют двухслойные стенки. Сначала отливают внутреннюю часть, затем обмазывают ее пористой глиной и вновь покрывают слоем расплавленного чугуна, не забывая при этом наносить на еще не застывшую внешнюю оболочку характерные узоры. Потом глиняную прослойку сквозь маленькую дырочку удаляют. В заключение чайники покрывают слоем лака и чернят особой жидкостью, включающей в свой состав уксус, зеленый чай и металлическую ржавчину. (Когда-то японские красотки чернили подобным составом свои зубы, полагая, что это придает им особый шарм.) Таким образом, чугунные чайники, словно термосы, получают способность долго сохранять горячую воду. Эти изделия называют *намбутэцубин* — железные чайники Намбу. Продукция мастерских из квартала Годзаку пользуется огромным спросом. В стране нет, пожалуй, ни одного крестьянского дома, где над очагом не висел бы *намбутэцубин*.

Из других местных достопримечательностей стоит особо упомянуть о *ванко* — лапше из гречневой муки. Дело даже не в особенностях вкусовой гаммы лапши, а в способе ее поглощения. *Ванко* подают в маленьких чашечках, рассчитанных ровно на один глоток. Фишка в том, сколько таких чашечек сможет опорожнить клиент. Местный рекорд приближается к пятистам чашкам лапши. Но неподготовленный к такому подвигу турист вряд ли осилит более 30 порций. Стоимость съеденного не зависит от количества чашек. Единую цену платят сразу за все при входе в ресторан.

И последняя, но далеко не самая незначительная достопримечательность Мориоки — это величественный конус вулкана Иватэ, буквально нависающий над городом. За почти идеальную конусовидную форму его часто называют Намбу Фудзи, то есть Фудзиямой провинции Намбу. Гора служит естественным ориентиром, не позволяющим приезжим затеряться в лабиринте городских улиц Мориоки.

А. Стасов

ТРАГЕДИЯ МИНАМАТЫ: ИЗДЕРЖКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА

В этом году исполняется ровно 55 лет с того момента, когда в мае 1956 г. в отдел здравоохранения муниципалитета города Минамата поступил официальный отчет из местной больницы о странном заболевании четырех местных жителей. Все они страдали умственным расстройством. В ходе проведенного расследования было установлено, что у них была поражена центральная нервная система, и произошло это из-за того, что все четверо употребляли в пищу рыбу, выловленную в заливе. Анализы показали, что рыба оказалась отравленной отходами ртути, бесконтрольно и незаконно сбрасывавшимися в море расположенным неподалеку химическим заводом. Так начиналась трагедия, получившая название «болезнь Минамата», показавшая неприглядную изнанку знаменитого экономического чуда Японии 1960-х годов. Тогда экологические показатели были принесены в жертву гонки к экономическим вершинам.

Город Минамата с населением в 40 тыс. человек находится в префектуре Кумамото на Кюсю. Он расположен на побережье залива Яцусиро, отделяемом от океана островами Амакуса. Часть этого залива напротив Минаматы носит поэтическое название Сирануи («Неизвестные огни»). Такое название появилось из-за того, что каждый год в конце августа по лунному календарю море здесь с полуночи начинает светиться так, как будто бы по нему рассыпаны драгоценные камни. Однако сам Минамата имеет гораздо более прозаическое прозвище — его называют Азотным городом из-за расположенного рядом химического завода концерна «Ниппон тиссо хирё», производящего искусственные азотные удобрения.

Признаки загрязнения залива Сирануи появились в 1950 г., когда местные рыбаки начали замечать мертвую рыбу на поверхности моря. Первыми жертвами отравления стали городские кошки, которых традиционно подкармливали выловленной в заливе рыбой. С 1953 г. они стали умирать в страшных конвульсиях. Это явление жители Минаматы назвали «болезнью танцующей кошки».

Трагедию Минаматы во всех подробностях описал доктор медицинских наук Масадзуми Харада в своей книге, вышедшей в свет в 1971 г. К этому времени уже было установлено, что «болезнь Минамата» поражает центральную нервную систему и приводит к параличу различных частей тела, вызывает конвульсии, которые затрудняют движения больных, ухудшают зрение. Были случаи помешательства и летальные исходы. Доктор Харада отмечал в книге, что эта болезнь уже унесла жизни сотен людей, сделала инвалидами тысячи, привела к рождению дефективных детей. Газеты всего мира в 1972 г. обошла фотография девочки Томоко Уэмура, которую болезнь поразила еще в чреве матери и родившуюся слепоглухонемой с парализованными ногами.

С 1959 г. жертвы «болезни Минамата» начали борьбу за то, чтобы получить компенсации с компании «Тиссо», префектуральных властей и центрального правительства. Эта борьба затянулась на десятилетия и продолжается вплоть до настоящего времени.

В 1977 г. правительство установило критерии, в соответствии с которыми специально созданная государственная комиссия определяла жертв «болезни Минимата» и назначала им компенсации. Аналогичные комиссии работали в соседних префектурах Кумамото и Кагосима. Однако их работа затягивалась из-за бюрократической волокиты и осложнялась тем, что префектуральные власти и центральное правительство отказывались признавать свою вину в трагедии. В связи с этим большинство тех, кто считал себя жертвами «болезни Минамата», обращались с исками в суды. Однако судебные процедуры также занимали длительное время.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки в 1995 г., когда правительство социалиста Томиити Мураяма решило покончить с волокитой и приняло политическое «одноразовое решение». Предусматривалось, что компания «Тиссо» выплатит тем, кто подал судебные иски, компенсации в сумме 2,6 млн. иен, а центральное правительство и префектуральные власти Кумамото оплатят медицинские издержки на лечение тех пострадавших, которые не были официально признаны жертвами «болезни Минамата». Это решение затрагивало 10 тыс. жителей Минаматы.

К сожалению, решение правительства Т. Мураяма не было доведено до конца, не в последнюю очередь из-за нежелания соответствующих министерств оплачивать медицинские издержки пострадавших. Кроме того, сохранялось сильное недовольство общественности, требовавшей, чтобы правительство признало свою вину в возникновении трагедии такого масштаба.

15 октября 2004 г. под давлением общественности Верховный суд Японии вынес постановление об ответственности центрального правительства за масштабное загрязнение окружающей среды в Минамате и обязал правительство и префектуральные власти Кумамото выплатить 37 жертвам компенсации на сумму 71,5 млн. иен. В соответствии с решением Верховного суда Министерство окружающей среды и префектуральные власти Кумамото объявили в апреле 2005 г., что они окажут финансовую поддержку 3 тыс. жертв «болезни Минамата» в процессе медицинского лечения. Для этого выделяется от 300 до 400 млн. иен. Что касается корпорации «Тиссо», то к сентябрю 2005 г. она уже выплатила в качестве компенсаций жертвам заболевания 134 млрд. иен. На конец 2005 г. всего было официально зарегистрировано 2955 жертв «болезни Минамата», большая часть из которых уже умерла.

Однако ущерб, нанесенный жителям Минаматы загрязнением окружающей среды в заливе Сирануи, далеко не исчерпывается этими цифрами. Эта трагедия оставила глубокую рану в душах людей, и эта рана не затянется еще долгие годы. Среди жертв «болезни Минамата» много тех, кто побоялся открыто объявить о своем несчастье, опасаясь, что окружающие будут сторониться их и членов их семей. Известно, что по городу распространялись слухи о том, что якобы «болезнь Минимата» является заразной. Возникали даже неприятные инциденты, когда школьники на занятиях физкультурой отказывались плавать в одном бассейне со своими сверстниками из семей, пораженных «болезнью Минамата». Многие жертвы болезни уехали из города в другие места, где окружающие не знали об их беде.

Сегодня Минамата внешне живет обычной жизнью. Химический завод «Тиссо», виновник произошедшей трагедии, продолжает выпускать свою продукцию, но теперь там строго следят за соблюдением экологических норм. О том, что случилось в городе более полувека назад, напоминают только экспозиция местного музея, да фигурки буддийских божеств, которые украшают благоустроенную набережную залива Сирануи. Их установили родственники пострадавших в память о перенесенных этими людьми страданиях.

Д. Т.

Императрица ДЗИТО строит новую столицу

Деятельность принца Сётоку-тайси, с жизнью которого мы познакомили читателя в предыдущем номере «ЯС», подготовила страну к реформам 645 года, называемым в японской истории «переворотом Тайка». Формально переворот свелся к тому, что вместо одного приближенного к императору рода (Сога) к рычагам власти пришел другой (Накатоми, позже получивший известность под именем Фудзивара). Но по сути победу одержали последовательные сторонники прокитайских реформ и религиозной терпимости Сётоку-тайси. Род Сога устранили от власти традиционным для японского двора способом — с помощью убийства одних и принуждения к самоубийству (харакири) других.

В результате реформы Тайка были упразднены такие институты родового правления, как звания, дававшие право на владение землей, а императорский дом был провозглашен единственным хозяином всех земель в стране, которые впредь сдавались внаем.

Отказавшись от неэффективного труда рабов, японские феодалы, следуя китайским канонам, провозгласили их формально «свободными». Однако все они были прикреплены к наделам (мужчинам — по 0,24 га, женщинам — 2/3 мужского надела), на их плечи взвалили бремя поземельного, натурального и подворного налогов. Кроме того, существовала и тяжкая трудовая повинность. Другими словами, народ был превращен в полукрепостных.

Передел земли, сдача ее внаем и сбор налогов с крестьян, составлявших 9/10 населения Японии, требовали все большего чиновничьего аппарата, который рекрутировался в основном из аристократии, знакомой с грамотой. Таким образом, удалось погасить недовольство родовой знати, утратившей было свои позиции при дворе. Для обеспечения эффективного контроля над землей вся страна была разделена на провинции и уезды. Вводилась регистрация населения (подворные реестры), что облегчало борьбу с бродяжничеством и сбор налогов. Новая централизованная административная структура, построенная по территориальному принципу, вводила систему *катё* — глав хозяйств и *гонингуми* — пятидворок, объединявших пять крестьянских хозяйств, спаянных круговой порукой и ответственностью перед начальством. Во главе деревень стояли *ритё* — старосты, во главе уездов и провинций назначаемые из столицы *гунси* — уездные начальники и *кокуси* — губернаторы. Так формировалась система политической и государственной организации древней Японии, получившая название *Рицурёсэй*.

Реформа Тайка стала новым этапом в развитии общества, ибо к власти личной и наследственной добавлялась власть централизованного бюрократического аппарата. Расплодившимся чиновникам стало тесно в прежних офисах. Поэтому император Тэмму, правивший страной в 672–686 годах, решил проблему кардинально. Он приказал перенести столицу на новое место. Строительство началось в 682 году. Переехать во вновь построенный дворец Тэмму не успел.

У императора Тэмму был наследник — его сын, принц Кусакабэ. Ему к моменту смерти отца было уже 24 года. Но по какой-то малоизвестной причине Кусакабэ посчитали не готовым к несению бремени управления страной. Поэтому на Хризантемовый трон взошла супруга скончавшегося императора. Ее девичье имя было Уносарара, но в истории память о ней сохранилась как об императрице Дзито (годы жизни 645–703, годы правления 686–697). Изначально предполагалось, что она будет местоблюстительницей престола до тех пор, пока принц Кусакабэ не сможет перенять бразды правления страной. Но задуманная схема не сработала. Принц Кусакабэ в 689 году умер. Титул крон-принца перешел к его 6-летнему сыну Кару. Что ж, Дзито пришлось продлить свое временное пребывание на троне до совершеннолетия внука.

Что же осталось в памяти от тех дней?

Главное, на долю императрицы Дзито пришлась нелегкая забота по воплощению в жизнь задумки ее мужа, императора Тэмму — строительство новой столицы. И это, само по себе, было

сопряжено с огромными трудностями. Новая столица императрицы Дзито принципиально отличалась от случайной, хаотической застройки прежних дворцовых комплексов и их окружения. Строить город решено было «по-китайски». А это означало прямоугольную планировку, ориентированную по сторонам света. Моделью для Фудзивара-кё послужил китайский город Лоян, столица императоров Северной Вэйской династии. По китайским прописям японские строители возвели кварталы, напоминавшие с птичьего полета правильный прямоугольник со сторонами 3,2 км с севера на юг и 2,1 км с востока на запад. В меридиональном направлении было проложено 9 улиц, в широтном — 13. Они пересекались под прямыми углами. Расстояние между улицами было строго выверено — 265,5 м. Каждый квартал делился на 4 участка — *тё*. Представители знати получали по несколько *тё*, беднота — по малой доле. Проводимые ныне раскопки позволяют составить представление о размерах погибшей в огне столицы. С севера на юг она протянулась на 3210 м, с запада на восток — 2140 м. По разным оценкам, население Фудзивара-кё достигало 30–50 тысяч человек.

Дворцовый комплекс был возведен в середине северной части города, заняв около 1 кв. км. Его окружала высокая стена, крытая сверху черепицей. Этим же материалом были крыты крыши дворцовых сооружений (новинка для японского градостроения). В стене было 12 ворот, по три с каждой стороны. Свободный доступ в столицу через любые ворота был дозволен лишь высшей аристократии. Остальным было предписано пользоваться теми воротами и только в то время, которое определялось рангом чиновника. За стеной располагались императорская резиденция и правительственные офисы.

Дворец для императрицы Дзито был построен также в китайском стиле. К территории *дайри* (резиденция правителя) примыкали церемониальный зал *дайгокудэн* и правительственные конторы. Внешний периметр *дайри* был окружен высоким деревянным забором и рукотворным рвом, заливаемым водой. В столице было построено четыре крупных буддийских храма — Дайандзи, Якусидзи, Гофукудзи и Хокодзи. Последний ранее был известен как Асука-дэра и был перенесен в новую столицу из Асуки. Кроме того, у каждого из крупных родов был свой семейный храм.

Город был поделен на две части дорогой, ведущей от дворца на юг. Тогда впервые в жизни японской столицы появились термины *сакё* и *укё* («левая столица» и «правая столица»). Судя по тому, где обитала та или иная семья, можно было судить о ее социальном статусе. Чем ближе к дворцу, тем статус выше. Важно также было и то, выходит ли жилой дом на центральную улицу или в переулок. И конечно же, важнейшим показателем служил размер выделяемого семье участка. Но все это — не произвольно, а в рамках городского плана, что

давало возможность очень четко стратифицировать статус той или иной семьи в пирамиде власти.

Стольный град императрицы Дзито вначале называли Арамаси-кё, потом — Фудзивара-но мияко, и лишь со временем закрепилось название Фудзивара-кё. Вероятно, это связано с фамилией могущественного клана Фудзивара (в прошлом — Накатоми), оказывавшего в те и последующие десятилетия огромное влияние на политическую жизнь в стране и через систему родственных связей с императорским домом контролировавшего все действия правительства. Недаром историки Японии частенько именуют VIII–XI века периодом Фудзивара. Но история столицы Фудзивара не была столь продолжительной. Город был уничтожен пожаром 711 года и никогда не восстанавливался. Но еще за год до пожара дворец и столицу перенесли на новое место в Хэйдзё-кё (ныне Нара). Туда же перебралось практически все население Фудзивары-кё.

Что же еще известно о годах правления Дзито?

В летописях остались сообщения, что эта императрица регулярно выделяла рис для поддержки престарелых жителей Фудзивара-кё. Дзито стала первой из правителей Японии, решившей изменить ритуал своего погребения. Убежденная поклонница Будды, она повелела кремировать свое тело после смерти.

Скончалась Дзито в 703 году. Но еще в 697 году она, приболев, отреклась от престола, передав императорскую корону 14-летнему принцу Кару. Понятно, что без советов многоопытной бабушки новому императору Японии (он получил имя Момму) было не обойтись. И вот впервые в истории императорской семьи Дзито стала править страной из-за спины внука, прикрывшись им как ширмой.

Потом это вошло в обычную практику. Правители страны не раз оставляли трон и уходили в тень, при этом нередко принимая монашество. Но рычаги истинной власти они оставляли за собой. Императрица Дзито была первой на этом пути. Эту особенность постарались отметить художники, рисовавшие ее портреты. На старинных гравюрах императрицу Дзито, как правило, изображали как бы выглядывающей из-за ширмы.

А. Сандер

РЫНОК ТРУДА
В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

Одной из серьезных проблем, которые сегодня необходимо решить Японии, чтобы сохранить свою международную конкурентоспособность на высоком уровне, является проблема трудовых ресурсов. Уровень профессиональной подготовки японских трудящихся и уровень трудовой этики находятся на должном уровне. Однако опросы показывают, что инвесторы критически относятся к распространенной в стране практике найма персонала. Вдобавок к этому все общество озабочено тем, что население страны стареет. Рост доли стариков в общей массе населения страны ведет к необходимости пересмотреть многие подходы к рынку труда, в частности по-иному, чем сегодня, решить проблемы занятости, мотивации к труду, пенсионного обеспечения, профессиональной подготовки и т.п. Мировой кризис также всерьез обеспокоил японцев ростом безработицы.

Вместе с тем необходимо констатировать, что национальный консенсус по данному вопросу еще не выработан. Хотя отдельные конкретные идеи в обществе уже сформулированы.

Так, на общем фоне тревожащей тенденции к росту числа безработных в стране все активнее раздаются призывы к разработке долгосрочной стратегии занятости. Предполагается, что в ее разработке должны принять участие власти различных уровней. Приоритетными отраслями, в которые необходимо направлять средства, ведущие к созданию большого числа новых рабочих мест, считаются разработка нетрадиционных источников энергии, а также медицина, сельское хозяйство и др. Развитие таких отраслей должно сформировать своего рода резерв рабочих мест на будущее.

Так, например, согласно некоторым подсчетам, сектор экономики, связанный с выработкой солнечной энергии, уже к 2020 году способен обеспечить работой около 600 тыс. японцев. В сельском хозяйстве страны сегодня насчитывается около 380 тыс. га брошенной земли, а две трети сельского населения составляют лица в возрасте свыше 65 лет, то есть пенсионеры. В этой связи раздаются голоса о необходимости допустить в эту отрасль экономики, где традиционно безраздельно господствуют небольшие фермерские хозяйства, крупные акционерные компании, которые не только способны создать много новых, привлекательных для молодежи рабочих мест, но также накормить страну и снизить ее зависимость от импорта продовольствия из-за рубежа.

Уже сегодня довольно успешно в данном направлении действуют местные власти. Так, например, в префектуре Окинава, одном из самых слаборазвитых регионов страны, программа развития индустрии информационных технологий привела к тому, что количество реально действующих в этой отрасли предприятий увеличилось в семь раз за восемь лет, а численность занятых в этой сфере передовых технологий увеличилась в восемь раз.

Сами японские корпорации, прежде всего крупнейшие, традиционно практиковали систему пожизненной занятости для своих работников. Правда, распространялась она лишь на часть жителей страны. Остальное население трудилось на мелких предприятиях, либо было занято на временных работах. Такая система, по мнению критиков, делала (и делает) рынок рабочей силы негибким. Однако сегодня трудно выделить основной тренд на пришедшем в хаотичное движение рынке труда. Одни компании стремятся сохранить ядро своей рабочей силы и увеличивают зарплаты и пенсии постоянным работникам. Так поступили, например, отдельные фирмы в страховой сфере. Они поднимают качество предоставляемых услуг и рассчитывают на солидную финансовую отдачу от этого в будущем. Другие, в стремлении к прибыльности, переводят временных работников в постоянные, стимулируя их тем, что открывают путь к карьере в рамках компании. Это характерно для некоторых фирм розничной торговли. Несмотря на рост расходов, таким маневром они сумели увеличить объем продаж и даже снизить долю расходов на персонал в общей системе издержек. Глобальные компании, сферой действия которых является вся планета, в годы кризиса, наоборот, стали снижать зарплаты и сокращать персонал, чтобы сохранить производство на плаву. Однако судостроение, например, оказавшееся в схожей кризисной ситуации еще в 70-е годы XX века и еще тогда резко сократившее набор на верфи нового персонала, столкнулось с тем, что сегодня до половины сотрудников оказались в возрасте свыше 50 лет, и теперь приходится думать, как омолодить свою рабочую силу. В противном случае даже крупным судостроительным компаниям грозит потеря международной конкурентоспособности из-за естественной убыли квалифицированных рабочих.

Особые программы внедряются для того, чтобы максимально задействовать в трудовом процессе женщин и стариков. Компании стали шире практиковать смешанные системы найма, которые предусматривают для работников сокращенный рабочий день или возможность их перевода из категории постоянных в категорию временных. Рассматриваются даже нетрадиционные для Японии варианты решения проблемы старения населения и возникающей отсюда проблемы потенциальной нехватки рабочей силы за счет открытия японского рынка труда для иностранной рабочей силы.

Таким образом, рынок труда в Японии находится в движении. Пока японцы еще не расстались со своей прежней системой занятости. Но они пытаются сделать ее более гибкой, чтобы она отвечала требованиям времени.

А. Б.

УПОЕНИЕ КРОВАВОЙ МЕСТЬЮ

Май богат праздниками, ориентированными на подрастающее поколение, особенно на японских мальчишек. Достаточно вспомнить шумные и красочные мероприятия, связанные с Днем детей (5 мая), когда над домами на шестах, словно флаги, взлетают символы мужества — изображения карпов. В майские дни в небо запускаются тысячи воздушных змеев, в школах проходят состязания по борьбе сумо среди юниоров, и едва ли не в каждом доме почетное место занимают самурайские атрибуты — мечи, луки со стрелами, шлемы, хотя и игрушечные. Даже расцветающие к этому времени в садах ирисы связаны с воспитанием мальчишек — листья этих цветов напоминают самурайские мечи. А в конце месяца в одном из храмов префектуры Канагава проходит не столь масштабный, но тем не менее ежегодный праздник, предназначение которого — дать мальчишкам ощутить сладкий вкус справедливой мести. Ведь это, как считают служители храма, тоже способствует задаче воспитания настоящего японского мужчины.

Местом проведения праздника является храм Дзёдзэндзи, расположенный в городе Одавара. Именно там, в тенистом храмовом дворе есть две могилы, уже более восьми столетий привлекающие сюда паломников. 28 мая храм посещают тысячи людей. Многие приходят семьями, ведя за руки детей. Это дань памяти двум юным японцам, своей жизнью оплатившим право отомстить за гибель отца.

Чтобы разобраться в происходящем, надо знать предысторию этого памятного события. В XII веке интерес феодальных кланов, сосредоточенных вокруг Киото, стал сдвигаться на восток, в сторону еще мало освоенных земель восточной части страны. Иногда это противоборство находило выражение в вооруженных схватках, военных рейдах, а иногда — в банальном убийстве конкурента. Так, в частности, конфликт между богатыми семьями Кудо и Ито, стремившимися закрепить за собой право на обширные участки земли на полуострове Идзу, одна из сторон попыталась разрешить с помощью наемного убийцы. Во время охоты было совершено покушение на главу дома Ито. Нанятый кланом Кудо киллер выстрелил в Ито из лука, но промахнулся. Стрела поразила одного из вассалов Кудо — *самурая* Кавадзу Сукэясу (Сабуро), стоявшего рядом.

У случайной жертвы осталась семья — жена и двое детей. Старшему мальчику было 5 лет, младшему — 3 года. Немедленно отомстить за убийство было некому. Но молодая вдова постаралась, чтобы дети запомнили нанесенную незаслуженную обиду и со временем отомстили за нее.

Спустя некоторое время вдова вновь вышла замуж и сменила фамилию на Сога. Отчим полюбил усыновленных детей и все, казалось бы, успокоилось. Но дети, подрастая, помнили о своей клятве наказать обидчика. Они не раз, уединившись в ук-

ромном уголке, проговаривали варианты мести князю Кудо Сукэцунэ, нанявшему убийцу отца. Потом младшего из сыновей — Горо Токимунэ — отправили в монастырь, чтобы он стал буддийским монахом, а его старший брат — Дзюро Сукэнари — все больше времени отдавал изучению воинских искусств.

Прошло 18 лет со дня гибели отца, а удобного случая подобраться к обидчику не представлялось. Кудо был любимцем военачальника Минамото-но Ёритомо, и потому его усиленно охраняли. В 1192 году клан Минамото окончательно расправился со своими старыми противниками — семьей Тайра. Победу было решено отпраздновать в мае 1193 года грандиозной охотой на склонах горы Фудзи. Для участия в этом торжестве со всех концов страны прибывали представители аристократии и воинского сословия. Братья Сога решили, что в этой многолюдной суматохе они сумеют выбрать удобный момент и приблизиться к князю Кудо Сукэцунэ.

Когда наступили сумерки, участники охоты разъехались по отведенным для отдыха гостиницам и чайным домикам. Братья Сога проследили, где остановился на ночь князь Кудо. Окончательные детали мщения они решили обговорить на пустынной площадке возле водопада. Но шум падающей воды мешал им услышать друг друга. Тогда один из братьев обратился за помощью к божествам. Как утверждает легенда, шум водопада тут же стих и братья смогли уточнить план нападения.

Однако погода неблагоприятствовала братьям Сога. Луна спряталась за тучи, начался ливень. В темноте было невозможно сориентироваться. И тогда старший из братьев, укрывший было свою голову зонтом из промасленной бумаги, сложил и поджог его, превратив в факел. Младший брат последовал его примеру. Освещая себе дорогу горящими зонтами, братья подо-

брались ко входу в гостиницу, ворвались в комнату и мечами зарубили обидчика. Охрана бросилась на помощь князю Кудо, но было уже поздно. В свирепой схватке Дзюро, старший из братьев Сога, был убит. Младшему Горо удалось ускользнуть, но его вскоре поймали.

Схваченного юношу привели к *сёгуну* Ёритомо. Тот был разгневан смертью своего любимца, но все же выслушал рассказ юного Сога. История была настолько трогательной, что *сёгун* решил помиловать Горо. Но тут вмешались наследники Кудо, напомнив, что пролитую кровь можно искупить только смертью. Видя колебания *сёгуна*, Горо выразил готовность к смерти. Его казнили. Тела братьев были преданы земле во дворе храма Дзёдзэндзи.

Храброе поведение братьев Сога, их готовность пойти на смерть во имя святого мщения не забылись. Рассказ об этом событии лег в основу средневекового эпоса «Сога моногатари», написанного в первой половине XIV века. Романтическое повествование о справедливой мести стало сюжетом многих баллад, пьес для театров Но и Кабуки, с каждым разом обрастая все новыми душещипательными, а порой и фантастическими подробностями.

С течением времени на территории храма Дзёдзэндзи, а также у подножья водопада Отодомэ-но-таки («Водопад, прекративший шуметь») в Фудзиномии стал проводиться *Сога-но мацури* — праздник памяти братьев Сога. Основным мероприятием становится костер из нескольких японских зонтов, таких же, как и зонты братьев Сога, осветившие им путь. В этот же день проходят религиозные службы в память о многих актерах, исполнявших за прошедшие столетия роли в спектаклях «Сога моногатари», торжественные процессии воинов в самурайских нарядах, состязания по борьбе *сумо* как среди взрослых, так и среди юных спортсменов.

М. Кавицкий

ДЕТИ: радости и проблемы

В японском численнике 5 мая помечено красным цветом. Вся страна празднует День детей, нерабочий день. Надо сказать, что этот праздник не является исконно японским. Как и многое другое, относящееся к религии и искусству, практику торжественных мероприятий, связанных со здоровьем и благополучием детей, завезли на Японский архипелаг из Китая. Более того, аналогичные праздники существуют в календарях Китая, Кореи и Вьетнама. Как водится, японцы приспособили заимствованное за рубежом к собственным интересам и привычкам.

День, когда юбилярами становились все дети страны, закрепился в календаре не сразу. Впервые нечто подобное стали отмечать еще в годы правления императрицы Суйко (593–628). По заимствованной в Китае традиции этот праздник приходился на 5-й день 5-го месяца по лунному календарю. Правда, название праздника звучало несколько отвлеченно — *Танго-но Сэкку*, что скорее означало «переход к новому сезону», то есть сезону дождей. Продолжительные дожди прерывали обычную рутину крестьянских работ и позволяли взрослым оттянуться за выпивкой с друзьями, заняться домашними делами, поиграть с детьми.

Переход Японии во второй половине XIX века с лунного календаря на Григорианский заставил пересмотреть и расписание праздников. *Танго-но Сэкку* продолжили отмечать в 5-й день 5-го месяца (то есть 5 мая), но уже по новому стилю. Это оторвало привязку данного события к смене сезонов.

Кстати, героями майского праздника долгое время были только мальчики. У девочек в календаре был свой день — *Хинамацури* (Праздник кукол), — отмечаемый 3 марта. В 1948 году правительство Японии специальным декретом сменило название *Танго-но Сэкку* на *Кодомо-но Хи* (День детей), объединив праздники девочек и мальчиков.

Однако объединение состоялось лишь на бумаге. И по сей день девочки получают подарки и поздравления в связи с *Хинамацури* (хотя день остается рабочим), а в мае настоящими юбилярами становятся лишь мальчишки.

О том, что традиции прочнее декретов, можно судить по характеру праздничных мероприятий, проводимых ежегодно 5 мая. В канун Дня детей на столбах, установленных во дворах домов, поднимают вымпелы, формой напоминающие карпов. Самым верхним бывает «карп» черного цвета, символизирующий отца. Ниже располагаются «карпы» поменьше и более ярких расцветок по числу мальчиков в семье. Девочек собственными «карпами» не удостаивают.

Спрашивается, при чем тут карпы? Китайцы очень уважали эту рыбу, способную подниматься вверх по течению рек к нерестилищам, преодолевая пороги и водопады. Считалось, что карп в конце своего плавания может превратиться в дракона — символ мощи, настойчивости, целеустрем-

ленности. Поэтому 5 мая для маленьких мальчиков звучали пожелания быть как дракон или, в крайнем случае, как карп.

У японцев было и другое объяснение. В истории страны существовало воспоминание о великом и непобедимом богатыре Саката-но Кинтоки. Скорее всего, это была легендарная фигура. В детстве его звали Кинтаро. Он дружил с дикими зверями, вместо лошади разъезжал на медведе, плавал так быстро, что мог догнать любую рыбу. Его даже изображали плывущим по реке верхом на огромном карпе.

Так вот, если карпы украшали двор, то традиционным украшением для дома было изображение мальчишки Кинтаро. Рядом выставляли игрушечный набор самурайского оружия — шлем, меч, лук, стрелы. Ни единого намека на то, что могло бы понравиться или пригодиться девочкам.

Если подобное неравенство бросается в глаза иностранцам, то сами японцы не видят в этом ничего особенного. Издревле женщины занимали в семье и обществе подчиненное положение. Современное законодательство исправило этот дисбаланс, но и поныне женщинам достается менее престижная работа, их зарплата, как правило, заметно ниже, чем у мужчин. Хозяином в доме остается муж, отец, свекор или старший сын, которые и решают судьбу женской половины семьи.

Впрочем, неравенство полов — не единственная тень, отбрасываемая на торжества, связанные с Днем детей. С каждым годом участников праздника становится все меньше. В прошлом мае в Японии число детей моложе 16 лет было исчислено в 16, 94 млн., что меньше показателя предыдущего года на 190 тысяч. Подобная отрицательная динамика сохраняется в стране без перерывов уже в течение 29 лет. На детей приходится всего 13,3% от всего населения страны. Это — самый низкий показатель в мире.

Довольно комфортное существование, нежелание поступаться карьерой ради семейных дел, ради выращивания детей привели японских мужчин и женщин на грань демографического кризиса. Сейчас на каждую японку статистически приходится всего 1,3 рожденных ребенка. Хуже ситуация лишь в Гонконге. Население Японии ощутимо падает начиная с 2005 года. До этого времени демографическую планку поддерживали старики, средняя продолжительность жизни которых достигла рекордных 82 лет. В стране сейчас насчитывается 23,2 млн. кошек и собак, что заметно выше, чем численность детей. И по прогнозам, в обозримом будущем ситуация будет только ухудшаться.

Увы, шумные празднования Дня детей, запуски воздушных змеев и фейерверков, огромные суммы, затрачиваемые родителями на подарки своим отпрыскам, не могут переломить тенденции уменьшения детского населения страны. К следующему Дню детей число юбиляров еще более снизится.

Стас Цветков

МИНАМИТОРИСИМА

Мы уже рассказывали нашим читателям о самой северной и самой южной точках японской территории. Теперь пришла очередь знакомства и с самой восточной. Как это ни странно звучит, она расположена на самом краю префектуры Токио. Но при этом расстояние, отделяющее этот островок от городских кварталов японской столицы, составляет 1848 км!

Островок Минамиторисима, затерянный на необозримых просторах Тихого океана, значительно ближе к Марианским островам, жители которых имеют американское гражданство, нежели к территории самой Японии. Административно территория Минамиторисимы входит в состав деревни Огасавара, в свою очередь подчиняющуюся муниципалитету Большого Токио. Но как же далеко — 1415 км — от этого скромного островного владения до ближайшей конторы деревенского старосты!

По не вполне достоверным данным, первым обнаружил этот кусочек земной тверди капитан Арриола в 1694 году. Судя по всему, он командовал португальским или испанским галеоном. Замеченный в океане островок ничем не привлек внимания Арриолы. Было очевидно, что поживиться на его пустынном берегу было нечем. Капитан даже не слишком старался точно определить местоположение находки.

Следующий раз корабельные паруса миновали остров в 1864 году. И вновь неизведанная земля не заинтересовала моряков, на сей раз гавайцев. Они потом сообщили об увиденном, но тоже весьма нечетко.

На морских картах этот островок закрепился лишь в 1874 году. И сделали это американцы на исследовательском судне «Тускарора». Они наконец-то определили географические координаты острова Маркус (кто дал этому островку такое название, когда и почему, осталось неизвестным). Коралловый остров площадью 1,2 кв. км по форме не напоминал типичный атолл, а был треугольным. Примечательно, что его поверхность была вогнутой. Берега возвышались на 5–8 метров, а внутренняя часть была на 1 метр ниже уровня моря. То есть существовала опасность, что в случае сильного шторма или цунами морская вода может прорваться внутрь и затопить остров. По периметру он был окружен кольцами подводных рифов шириной от 50 до 300 метров, что создавало проблемы для высадки на берег. Поэтому американцы ограничились визуальным осмотром со стороны.

А первыми людьми, оставившими свои следы на песке прибрежной полосы, стали японцы, экипаж корабля под командованием Сайто Кёдзаэмона. Как оказалось, до них единственными обитателями островка были птицы, большая птичья колония. Поэтому капитан Сайто особенно не ломал голову над японоязычным названием — Минамиторисима, т.е. Южный Птичий остров. Определение «Южный» понадобилось потому, что один Птичий остров (Торисима) на картах Японии уже существовал — в составе архипелага Рюкю.

Еще через год в этих водах побывал и французский военный корабль, уточнивший координаты острова. Но хозяйственное освоение Минамиторисимы началось лишь в 1896 году. Японскому предпринимателю Мидзутани Синроку приглянулись огромные залежи минеральных удобрений — гуано, за многие века скопившиеся на Птичьем острове. Он подал соответствующую заявку японским властям и вместе с 23 рабочими обосновался на Минамиторисиме. Давать лицензию на проведение работ на ничейной земле было нельзя, и в 1898 году Токио провозгласил свой суверенитет над этой территорией, предоставив ее на десять лет в распоряжение Мидзутани. Вот тогда-то и выяснилось, что Южный Птичий остров — не только самая восточная точка Японии, но и самая жаркая на климатической карте страны. Среднегодовая температура на острове составляла 25,28 градуса. Жара, несмотря на морские бризы, летом зашкаливала за 30 градусов, а зимой столбик термометра не опускался ниже 19,1 градуса, что в сочетании с сыростью давало эффект промозглости. Короче говоря, местечко малокомфортное.

Американцы спохватились, что не оформили официально своей находки, и в 1889 году выставили свои претензии на остров. Но, как говорится, поезд уже ушел. В течение первых десятилетий XX века даже не столько территориальный спор, сколько невнятная перебранка между США и Японией не стихала, и каждая из сторон помечала на картах Минамиторисиму (или остров Маркус) своим цветом.

Помимо неисчерпаемых запасов гуано остров Минамиторисима обладал еще одним важным достоинством. Он располагался в центре Тихого океана, и с него в случае необходимости можно было контролировать судоходство на огромной акватории. В 1941 году, когда началась война на Тихом океане, японцы поспешили построить здесь свою военную базу. На остров завезли 4 тысячи солдат. Их снабжение всем необходимым в военное время было затруднено, поэтому японские инженеры пробили сквозь кольцо рифов канал для подводных лодок. Его и сейчас можно разглядеть у северо-западного берега острова.

Ни причалов, ни аэродрома на Минамиторисиме в то время не было. Поэтому солдаты маялись без дела, не имея возможности как-то повлиять на судьбу боевых действий, развернувшихся на просторах Тихого океана между американским и японским флотами. Островок особенно не интересовал и представителей военного ведомства США. Попыток десанта на Минамиторисиму не было, но в 1942 и 1943 годах американская авиация не раз утюжила остров бомбардировками, вероятно, в тренировочных целях, отрабатывая тактику накануне массированных налетов на основную территорию противника.

Япония потерпела поражение в войне, гарнизон Минамиторисимы депортировали на родину, а в 1951 году по условиям Сан-Францисского мирного договора архипелаг Окинава вместе с Южным Птичьим островом был передан под американский контроль. Только спустя много лет новые хозяева острова нашли ему какое-то применение. На Минамиторисиме в 1964 году была установлена станция ЛОРАН (радионавигационной системы наземного базирования). Для этого на островке пришлось построить радиомачту высотой 411,5 м. Долгое время она оставалась самым высоким сооружением в Тихоокеанской зоне. На острове вахтовым методом дежурил обслуживающий персонал станции — 23 человека. Раз в год их сменяли, доставляя пополнение с американских военных баз на Окинаве. А продукты доставляли еженедельно самолетом. Для этого на Минамиторисиме построили аэродромную полосу, рядом с которой, как напоминание о прошлом, можно было увидеть заржавевший остов японской танкетки.

В 1968 году острова архипелага Огасавара, а вместе с ним и Минамиторисима, были возвращены под контроль и суверенитет Японии. Но, как и на Окинаве, американские военнослужащие оставлять оккупированные ими земли не спешили. Лишь в сентябре 1993 года управление станцией ЛОРАН было передано в руки японских специалистов, а американцы покинули остров. Сейчас на Минамиторисиме функционируют метео- и радиостанции. Туристы, как из Японии, так и из других стран, до этих мест не добираются.

Л. Сашин

НЕБЕСНОЕ ДРЕВО бьет рекорды

В 1958 году высшей точкой Токио стала антенна решетчатой стальной телебашни Tokyo tower, вознесенная на 333 м над землей. Однако желающих взглянуть на панораму японской столицы лифт поднимал лишь на 150 метров туда, где располагается основная площадка обозрения (есть и специальная обсерватория на высоте 250 метров над землей, но на этот уровень попасть значительно труднее). Спустя 30 лет началось строительство высотного здания Токийского муниципалитета, позволившее любителям видов с птичьего полета подниматься на высоту 243 метра.

Ныне оба этих рекорда уже превышены, хотя строительство новой телевизионной башни, получившей название Tokyo Sky Tree (Небесное древо Токио) еще не закончено, и рассматривать панораму Большого Токио с новой высоты позволено лишь строителям, архитекторам и чиновникам, отвечающим за ход стройки. Уже сейчас «ствол» Небесного древа поднялся до запланированной отметки 634 метра. Конечно же, главной задачей проектировщиков было не обеспечение максимально высокой зрительной площадки. Растущие в столице, как грибы после дождя, небоскребы создают определенные трудности для прохождения телевизионного сигнала. С переходом на цифровое телевидение надобность в поднятой высоко в небо передающей антенне обострилась. Новое сооружение уже сейчас побило все рекорды высоты в Токио. Осталось лишь установить антенны. А весной будущего года во время цветения сакуры, когда строители сдадут башню эксплуатационникам, Tokyo Sky Tree будет вторым в мире по высоте искусственным сооружением в мире, уступая лишь Башне Халифа в Дубае (828 метра и 162 этажа), и первой в разряде телебашен. Да и стоимость строительства выражается рекордной суммой — 65 млрд. иен!

С рекордом высоты связаны и другие сопутствующие достижения. Небесное древо стало едва ли не главной столичной достопримечательностью. Район Сумида, до сего времени не привлекавший особого внимания охочих до зрелищ людей, превратился в весьма оживленный туристический центр. Вокруг стройки ежедневно бродят тысячи и тысячи японцев и иностранцев, тщетно пытающихся сфотографироваться на фоне растущей башни — надо отойти достаточно далеко, чтобы весь «ствол» уместился в кадре, но тогда теряются все подробности. Тихие улочки Сумиды преобразились. Здесь что ни день, то

автомобильный затор. Ревут многоместные туристические автобусы, пытаясь протиснуться поближе к месту строительства. Их, словно мошки, облепляют со всех сторон такси и частные автомобили.

Прибывающие отряды туристов сталкиваются с уже обосновавшимися здесь не менее многочисленными отрядами продавцов сувениров. Местные жители понимают, что наступил их звездный час. Стоит только угадать, что из сувениров будет востребовано приезжими, и тогда можно на обозримое будущее обеспечить себя весьма неплохим доходом. В нижних этажах телебашни будет размещено около трехсот магазинов и ресторанов, аквариум и планетарий. Уже подсчитано, что в будущем году новая башня привлечет 5,4 млн. человек, а потом каждый год ее высоты будут штурмовать до 25 млн. туристов. Окружающим подножье Древа кварталам этот гигантский экономический проект будет приносить ежегодно свыше 47 млрд. иен.

Правда, как пишут японские газеты, выбор наиболее выигрышной сувенирной тематики затянулся. Можно, конечно, продавать металлические и пластмассовые макеты башни. Но тут возникает проблема. Детализированные варианты макетов достигают 1,5-метровой высоты, и не каждый рискнет засунуть такой сувенирчик в багаж. А если предложить миниатюрный вариант, то он в силу своих пропорций скорее будет напоминать медицинский шприц для инъекций, отнюдь не передавая, а скорее искажая впечатление от высочайшего в мире сооружения.

Токийское Небесное древо, еще не вытянувшись во весь свой рост, начинает перехватывать у других столичных достопримечательностей и славу, и потребительскую привлекательность. Вряд ли найдется неделя, в ходе которой ведущие газеты, иллюстрированные журналы, многочисленные каналы телевидения страны не обращались бы к рассказу о Tokyo Sky Tree. Эта тема стала наиболее востребованной читателями и зрителями. Легко узнаваемая игла новостройки активно используется в рекламе, книжках комиксов — *манга*, в видеоиграх. Бармены уже предлагают посетителям коктейли Tokyo Sky Tree на основе коньяка в высоких узких бокалах и пирожные длиной 634 мм и стоимостью 634 иены за штуку.

«Круглые столы» и телешоу, в ходе которых обсуждаются архитектурные особенности башни, идут чередой. Во все четче проглядывающем облике детища известного японского архитектора Андо Тадао многим видится клинок самурайского меча, гордо вознесенного над миром. Резко возросла стоимость земли в прилегающих кварталах. На месте снесенной старой школы вознамерились было построить стадион. Но теперь на этот подорожавший клочок земли претендуют один из столичных университетов и ряд коммерческих инвесторов. Окончательный выбор будет сделан в августе.

Тишина и определенная захолустность района Сумида канули в прошлое. Теперь окружающие кварталы могут похвастаться еще одним рекордом — резким увеличением дорожных происшествий, вызванным как постоянным наплывом транспорта, так и уникальностью самого сооружения. Уже не раз водители, выезжая на улицу, с которой видна растущая вверх башня, забывали об осторожности и, заглядевшись, врезались в другие машины или сбивали пешеходов. Но винить во всем только водителей нельзя. Довольно часто и сами пешеходы, пораженные открывшимся перед ними видом, застывали посреди дороги, не обращая внимания на сигналы светофоров. За прошлый год число несчастных случаев со смертельным исходом в прилегающих районах восточного Токио увеличилось в разы — с 12 за 2009 год до 41 — за 2010-й.

Стас Цветков

ИВАМУРАТА, ОДАИ И ОИВАКЭ

Эта часть пути из императорской столицы Киото в сёгунскую столицу Эдо проходит по землям богатого феодала, князя Найто Бунгономори. Его земли давали урожай до 15 тысяч коку (мешков) риса, что выводило этот клан в ряды богатейших в стране.

Ивамурата, как называют почтовую станцию № 23 (если считать от Эдо), являлась призамковым городом Найто Бунгономори. В этом месте тракт Кисокайдо пересекала дорога Саку-Косю. Богатый поселок, оживленное место. Здесь оказывали путешественникам самые разные услуги, в том числе массаж усталых ног, натруженной спины. Занимались этим, как правило, слепые массажисты. Художник Эйсэн, взявшийся проиллюстрировать гравюрой свои впечатления от посещения почтовой станции Ивамурата, изобразил драку слепых массажистов. Очевидно, они не поделили между собой богатого клиента. Зрелище вроде бы комичное, поскольку драка идет между не видящими друг друга инвалидами, а с другой стороны — драматичное, свидетельствующее о тяжелом положении людей, обслуживающих почтовую станцию.

Гравюра с изображением следующей станции Отаи (встречается и чтение Одаи) принадлежит кисти гения японского пейзажа Андо Хиросигэ. Художник изобразил четырех пилигримов, переправляющихся через ручей. Узкий поток воды рассекает заросшую травой равнину у подножия горы Асама (видна на заднем плане). Вытянувшиеся стебельки мисканта подсказывают, что дело происходит в августе. О том же свидетельствует покрасневшая листва молодого клена. Сейчас эти места именуют Ниси-Каруидзава, а раньше станцию Отаи называли *Химэ-но-ядо* — «Гостиница для принцесс», поскольку здесь часто останавливались жены и дочери путешествующих князей-*даймё* и придворных чиновников.

Местоположение следующей почтовой станции — городок Оивакэ, стоящий на перекрестке

двух дорог — тракта Кисокайдо и Хоккоку. Это в самом центре горной страны, на высоте 1000 метров над уровнем моря. Увиденную на предыдущей станции гору Асама художник Эйсэн выписывает с особой тщательностью. Представляя собой почти идеальный вулканический конус, Асама считается одной из достопримечательностей тракта. Здесь не стоило торопиться. Можно и нужно было постоять в восхищении перед горой, красоту которой нередко сравнивали с великолепной Фудзи. Особенный интерес у путников вызывала панорама северной стороны горы, покрытой окаменевшими потоками застывшей лавы. Их называли *ониосидаси* (чертова выжимка).

Караван путников обходит гору слева. На попоне, покрывающей спину лошади можно разглядеть герб издательского дома Такэноути и Киндзюдо, взявшегося за публикацию гравюрной серии о Кисокайдо.

С. Ц.

НЭЦКЭ

Нет необходимости расшифровывать смысл этого японского слова, поскольку оно уже прочно вошло в историю мирового искусства. Нэцкэ — это брелок, с помощью которого японские мужчины в годы средневековья подвешивали к поясу различные необходимые предметы.

Если женщины могли прятать какую-то мелочь — платок, деньги — в рукавах кимоно или в складках широкого пояса *оби*, то у мужчин такой возможности не было. И рукава и пояс мужского кимоно не были приспособлены к этому. Приходилось прицеплять мешочки с огнивом, курительные трубки, кисеты, кошельки, ключи, коробочки для лекарств, личные печати к поясу на шнурках, закрепляя их брелоками. На одном брелоке могло висеть сразу несколько вещей. Носили все эти аксессуары исключительно на правом боку, поскольку с левой стороны тела за пояс засовывали ножны мечей.

Сама идея *нэцкэ* была почерпнута у китайцев, которые пользовались упрощенными вариантами подобных брелоков еще в III веке до н.э. А вот в Японию эта мода проникла лишь в XVII веке, после того как воины армии Тоётоми Хидэёси вернулись с богатыми трофеями из походов на Корейский полуостров (1592 и 1597 гг.). Среди привезенных в Японию безделушек оказались и образцы резных брелоков.

Казалось бы — безделушка, но семя упало на подготовленную почву, хотя бурно проросло лишь через столетие. С 1603 года в стране воцарилась военная диктатура самурайского клана Токугава. Следуя канонам широко распространившегося в стране дзэн-буддизма, самураи выступали против показной роскоши. Это воспринималось как проявление дурного вкуса, отступление от воинского этикета. А для представителей низших сословий — крестьян, горожан, купечества — хвастаться своим благосостоянием считалось и вовсе преступным. В стране неоднократно выпускались «законы против роскоши». Регламентировалось все — от причесок, материала и цвета одежды до качества еды и размеров жилья.

Нарушителей этих законов подвергали суровым наказаниям, но всегда находились возможности обойти строгие ограничения. Особенно увлекались этим купцы, разбогатевшие в мирное время, установившееся с приходом к власти клана Токугава. Оставаясь низшим сословием в иерархической структуре Японии, торговцы вместе с тем умудрялись скапливать солидные состояния. Им каким-либо образом требовалось выделиться среди толпы нищих и голодных. Этому помогали некоторые незарегламентированные властями элементы одежды. Так, например, на богатство купчины могла намекнуть подкладка из дорогой ткани, лишь изредка мелькавшая из-под его серого или синего кимоно, скроенного из дешевой дерюги. Этой же цели стали служить и *нэцкэ*.

Ювелирными изделиями японцы, даже весьма состоятельные и знатные, в период средневековья себя не баловали. Драгоценные браслеты, ожерелья, диадемы можно было увидеть только в храмах, где ими, по традиции, почерпнутой из Китая, Индии, Кореи, украшали буддийские статуи. Воины могли похвастаться друг перед другом лишь украшением шлема или изящной гардой меча. Поэтому *нэцкэ*, даже представлявшие собой уникальные произведения миниатюрной пластики, воспринимались не как украшения, а как сугубо утилитарные предметы. Законы о роскоши не регламентировали форму брелока при том условии, что он был изготовлен не из драгоценных камней и металлов.

Общенациональная мода на *нэцкэ* вспыхнула в Японии в эпоху Гэнроку (1688–1704), которую искусствоведы иногда сравнивают с европейским Ренессансом. Разбогатевшие горожане потянулись к искусству, сценическому и изобразительному. В стране появился устойчивый спрос на картины и скульптуру.

В те годы появилось сразу несколько разновидностей декоративных брелоков. Одна из них — *оби-хасами*. Это была заостренная палочка с крючком, которую втыкали за пояс, привязывая к ниж-

нему концу различные предметы. *Оби-хасами* в быту не закрепилась. При быстром движении, наклонах туловища крючок мог уколоть и даже поранить владельца.

Гораздо более широкое распространение получили брелоки — *нэцкэ*. Изготовленные из кости (в том числе слоновой), дерева, бамбука, коралла, металла, камня, керамики, изящные фигурки становились настоящим украшением костюма, вне зависимости от социальной принадлежности человека.

Специальных мастерских по изготовлению *нэцкэ* не было. За эту работу, как за мелкий приработок, брались мастера по изготовлению театральных масок, кукол, религиозной скульптуры. Отсюда и бесконечное разнообразие форм, которым может похвастаться искусство *нэцкэ*. Резчики брелоков — *нэцукэси* — по дизайну заказчика или по собственному усмотрению выбирали сюжеты. Они могли быть почерпнуты из религии и мифологии, природы и повседневной жизни. Иные ограничивались простенькими кругляшами с нанесенным орнаментом, другие создавали целые композиции из нескольких фигур. Например, в одной из коллекций *нэцкэ* сохранились миниатюрные, но тем не менее действующие счеты — *соробан*, — вырезанные из одного куска кости (вот уж поистине купеческая символика!). В другой коллекции — фигурка человека, держащего в руках клетку, сквозь прутья которой можно было разглядеть крошечных птиц. Насколько сложна была такая работа, можно понять по размерам *нэцкэ*. Они не должны были превышать 10 см, но чаще были размером в 3–5 см.

Истинное мастерство и знание жизни авторы миниатюр проявляли при изготовлении фигурок, связанных с профессиями заказчиков (например, рыбака с уловом, лесоруба, валящего дерево, лодочника за веслами). *Нэцкэ* были не только статичными, но и подвижными. Например, череп со змеей, которая то показывалась из пустой глазницы, то пропадала; горный демон, время от времени высовывающий язык; маски с подвижно закрепленными челюстями... Внутри иных брелоков устраивались скрытые пространства для хранения секретных вещей. Но главным требованием были миниатюрные размеры и гладкость фигурки, чтобы она не рвала острыми краями одежды, не цеплялась за другие предметы.

Век расцвета культуры *нэцкэ* был недолог. В середине XVIII века рухнул занавес, отгораживавший Японию от остального мира. В страну хлынули сотни торговцев, моряков, авантюристов, дельцов. Они привезли с собой и моду на европейские модели одежды с карманами. Надобность в брелоках отпала.

Но спрос на продукцию *нэцукэси* сохранился. Только не среди японцев, а среди приезжих. Они быстро разглядели уникальную ценность резных миниатюр и стали закупать их в огромном количестве. Фигурки *нэцкэ* стали самым первым предметом массового экспорта из Японии. Тем более что японцы не слишком высоко ценили эти сугубо утилитарные поделки, а за рубежом их стоимость была в десятки раз выше. Вывоз миниатюрной пластики шел такими темпами, что ныне в Японии практически не сохранилось коллекций, составленных из работ средневековых *нэцукэси*, зато такими подборками могут похвастаться многие зарубежные музеи и частные собиратели.

Позднее, ощутив устойчивый спрос на эту продукцию, японские мастера вновь вернулись к полузабытой профессии, правда, на более низком уровне. Теперь они предпочитают зарабатывать не изготовлением шедевров, а массовым ширпотребом из синтетических материалов. Стоит ли удивляться, что лучшие *нэцукэси* сейчас работают в других странах. Так, среди членов Международной ассоциации резчиков *нэцкэ* практически все ее члены моложе 40 лет — не японцы.

А. Лазарев